

Сергей Лукашевский: «Разрушение Берлинской Стены стало следствием интеллектуальных импульсов»

25 лет со дня падения Берлинской стены – не просто важный символ воспоминания. Особенно сегодня это не просто юбилей. Контекст современный, международный и наш российский внутривосточный контекст добавляют этой дате смысл и значение.

Мне бы сначала хотелось поговорить про стены. Вот уж многозначный оказался символ. Здесь очень много говорилось о падении Берлинской стены примерно в том духе, что было разделение на два мира: стена пала и ознаменовала прекращение этого разделения. А сейчас, говорилось потом, мы видим, что стены опять возводятся.

Мне хотелось бы отметить, что возведение Берлинской Стены тоже было очень важной символической вехой. Оно, конечно, сулило очень неприятные последствия на сорок лет для народа Восточной Германии, но оно знаменовало окончание бурного перемещения границ, попыток изменения международной ситуации. Оно знаменовало начало периода холодного, сдержанного противостояния.

Мне не нравятся никакие стены. Но сейчас главная опасность, возможно, даже не в том, что кто-то опять пытается строить «стену», а кто-то пытается с помощью «стены» сдержать попытки пересмотреть и переиначить мир, как он сложился благодаря импульсам, вызванным падением той, Берлинской, стены. В этой связи мне хотелось бы отметить важную вещь. Название нашей дискуссии подразумевает, что падение Берлинской стены явилось импульсом для будущего - но в действительности, само разрушение Стены стало **следствием** интеллектуальных импульсов. Если бы Михаил Сергеевич не произнес слова о перестройке и гласности, то многие процессы не оказались бы запущенными - их надо сначала назвать. И это создает интеллектуальный импульс.

Хочу напомнить, что одним, возможно, их первых интеллектуальных импульсов, которые впоследствии привели к падению Берлинской стены, были выступления Андрея Дмитриевича Сахарова. И, собственно, в своем первом и самом известном эссе - размышлении о прогрессе, международной безопасности и интеллектуальной свободе – он формулирует два главных тезиса. Первый - разобщенность человечества, символом которого является Берлинской стеной. Сахаров говорит о том, что она угрожает человечеству гибелью. В тот момент было актуально говорить об этом, потому что речь шла о ядерной войне, возможной между двумя блоками. Можно переформулировать этот тезис так: угрозы, которые стоят перед человечеством, могут быть преодолены только сообща.

Второй тезис, с которым выступил тогда Сахаров: человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода. И опять символом барьеров между людьми, препятствием свободному распространению информации, свободному перетоку знаний (не только физическому перемещению людей в мире) являлись Берлинская стена и железный занавес в целом.

Но импульсы, вызванные поворотными событиями могут затухать. И мы сейчас наблюдаем, как импульс, который был дан событиями 89-го года, в целом, не только событиями в ГДР, затухает. Число демократий не увеличивается в мире, а даже начинает уменьшаться. С чем это связано?

Мне кажется, что, к сожалению, ответ простой и коренится он, к сожалению, в некоторых природных свойствах человеческой природы. Когда человеку не угрожает прямая опасность, его внимание притупляется. Поскольку падение Берлинской стены, поскольку та политика, которую запустил в отношениях между советским блоком, социалистическим блоком и Западом Михаил Сергеевич, привели к снятию прямой угрозы ядерной войны, - внимание и ответственность начали притупляться.

Падение Берлинской стены, снятие барьеров не только в политическом, но и в экономическом смысле, создание Европейского Союза естественным образом, как это и всегда бывает в мировой экономике, приводят к экономическому развитию, росту благосостояния. Рост благосостояния оборачивается тем, что люди увлекаются собственным развитием, карьерой, благосостоянием, собственными возможностями, теми самыми прекрасными естественными возможностями, которые открылись перед ними с падением Стены, - и забывают о том, что свобода, демократия и уважение человеческого достоинства – все эти ценности нуждаются в постоянной, каждодневной поддержке.

Это в действительности глобальный процесс, который проявляется по-своему во всех странах. И в тех странах, которые были и остаются сейчас демократическими.

В международной политике – от политического оптимизма, который, казалось бы, утверждался событиями конца 80-х годов, опять возвращается к тому, что Сахаров называл, - подход эмпирико-конъюнктурный, а сейчас чаще всего его называют реал-политик. Опять провозглашается торжество интересов над международным правом и над идеей общности людей, которая, казалось бы, торжествовала двадцать пять лет назад. Хочется спросить: изменились ли угрозы, которые стоят перед миром? Например, те угрозы, которые Сахаров перечислял еще в 68-м году в своем знаменитом эссе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»? - Нет, угрозы все те же самые.

Сахаров говорил об угрозе ядерной войны. Да, она не стоит так жестко, как она стояла в период противостояния двух враждебных блоков. Но мировая озабоченность по поводу ядерной программы Ирана, по поводу ядерного оружия Северной Кореи говорит о том, что эта угроза существует.

Угрозу голода, как ее называет Сахаров, я бы применительно к нынешним реалиям назвал угрозой бедности. Существует ли она? Безусловно, существует. Экологическая угроза существует. Угроза сокращения возможностей для интеллектуальной свободы. Угроза национального и политического терроризма (удивительно, что более чем тридцать лет назад Сахаров отмечал эту угрозу как одну из существующих) - она только увеличивается в мире.

То есть все угрозы есть. И точно так же, как и много лет назад, сейчас можно повторить только одно - только сообща человечество в действительности сможет преодолеть разделение человечества. Существующие угрозы усугубляют и порождают новые очаги кризиса.

Почему тот импульс, который возник в результате событий 89-го года в странах Центральной и Восточной Европы, привел к таким устойчивым результатам? Потому что стремление людей к свободе было воплощено в твердых правовых институтах, в торжестве принципа верховенства права. Там, где такие институты и такую правовую систему создать не удалось или удалось в меньшей степени, как, например, на территории стран СНГ, в большинстве случаев мы видим, как этот импульс затухает.

И в этой связи хочу закончить своим видением ситуации, которая здесь уже упоминалась, о которой мы, к сожалению, не можем сейчас не говорить. Это ситуация с Крымом. С одной стороны, мы знаем, что все народы имеют право на самоопределение. Это право записано, например, в таком важном документе, как международный пакт о гражданских и политических правах. И в этом смысле и народ Крыма точно так же, как и все другие народы, имеет право на самоопределение.

Но видим ли мы в том, как был присоединен Крым к России, реализацию этого права? Нет, на мой взгляд, мы видим реализацию совершенно другого, архаического права силы. Именно поэтому то, что произошло, не может быть в данный момент названо реализацией этого права. И мир стоит перед очень тяжелой проблемой, когда есть общности, есть народы, которые имеют право на реализацию своих прав, включая право

на политическое самоопределение. И при этом мы видим ползучее торжество антиправа – права силы, которому мир может поставить заслон, не стену, а просто заслон, только сообща.